

Глава LVIII.

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Уже в наказах 1789 г. встречаются, как это показал Шассен, воззрения, которые в настоящее время были бы названы социалистическими. Руссо, Гельвеций, Мабли, Дидро и другие уже представляли неравенство состояний и скопление богатств в руках немногих как главное препятствие установлению демократической свободы. При первых же проблесках революции эти воззрения стали высказываться с большой силой.

Тюрго, Сиейес, Кондорсе утверждали, что равенство в политических правах еще ничего не дает, если нет равенства на деле (*egalite de fait*). Это последнее, говорил Кондорсе, представляет собой «последнюю цель социального искусства», так как неравенство богатств, неравенство состояний и неравенство образования — главные причины всех зол*. И те же идеи нашли отголосок во многих наказах избирателей, которые требовали или права всех на обладание землей, или «уравнения состояний».

*Уже Кабе в своем приложении к «Путешествию в Икарию», издание 1842 г., указал на этот характер мыслителей XVIII в. и дал много цитат. Из современных работ см.: Lichtenberger A. *Le Socialisme et la Revolution francaise*, Paris, 1899.

Можно даже сказать, что парижский пролетариат вполне сознавал свои нужды и находил уже людей для верного их выражения. Мысль о двух классах, имеющих противоположные интересы, ясно выражена в «Наказе бедных» (*Cahier des pauvres*) округа Сент-Этьен-дю-Мон неким Ламбертом, «другом тех, у кого ничего нет». Производительный труд, достаточная заработная плата (*living wage* нынешних английских социалистов), борьба против так называемого «невмешательства» буржуазных экономистов, противопоставление социального вопроса вопросу политическому — все это уже встречается в «Наказе бедных»*.

*«Всегда было и всегда будет только два действительно отдельных класса граждан — собственники и несобственники, из которых первые владеют всем, а вторые ничем», — говорится в «Наказе бедных». «К чему разумная конституция для народа, состоящего из людей, обращенных в скелеты голодом?» — спрашивает автор брошюры «*Quatre cris d'un patriote*» (Четыре жалобы патриота). Цит. по: Chassin Ch. L. *La genie de la Revolution*, v. 1—2. Paris, 1863, v. 1, p. 287-289.

Но в особенности стали открыто распространяться коммунистические идеи после взятия Тюильри и еще более — после казни короля, т. е. в феврале и марте 1793 г. Можно думать, по крайней мере так утверждает Бодо, что жирондисты потому выступили такими, ярыми защитниками собственности, что они уstraшились влияния, которое приобретала в Париже пропаганда равенства и коммунизма*.

*Мы находим в кн.: Baudot M. A. Notes historiques sur la Convention nationale, le Directoire, L'Empire et l'exil des votants. Paris, 1893, изданной вдовой Эдгара Кине (Париж, 1893), очень интересную заметку, где говорится, что, по мнению Инграна, система общей собственности, развитая Буонарроти, «возникла за несколько времени до событий 20 июня и что сами эти события возымели начало благодаря ассоциации» (ibid., p. 10—11). Мэр Парижа Петийон сообщил тогда об этом большому числу депутатов. «По-видимому, — продолжает Бодо, — жирондисты внесли столько резкости и озлобления в свою систему, потому что боялись, как бы учение этого сообщества не взяло верх». Известно, что впоследствии некоторые члены Конвента действительно приняли коммунистические воззрения и вошли в заговор Бабефа.

Некоторые жирондисты, а именно Рабо Сент-Этьен и Кондорсе, несомненно подверглись влиянию этого движения. Кондорсе на смертном одре излагал план «взаимности», т. е. взаимного страхования всех граждан против всего того, что может привести рабочего в состояние, где он должен продавать свой труд, как бы мала ни была предлагаемая ему цена. Что же касается до Рабо, то он требовал, чтобы большие состояния были отняты у богатых либо путем прогрессивного налога, либо организуя «естественный переход избыточного богатства в общественные, общепользные учреждения». «Большие состояния представляют препятствие к свободе», — писал он, повторяя формулу, в то время весьма распространенную. Даже Бриссо, впоследствии ярый защитник буржуазной личной собственности, старался одно время найти блаженную середину по отношению к этому образу мыслей, на который он, впрочем, скоро напал с ожесточением*.

*В декабре 1792 г. для того, чтобы побороть «идею о разделе земель, предложенную анархистами или господами из Коблениа», т. е. роялистами-эмигрантами (Робеспьер вскоре тоже стал распространять эту инсинуацию против коммунистов), Бриссо писал, что равенство политических прав осталось бы химерой, если бы «неравенство на деле между гражданами не было уничтожено законодательством и если бы не было поставлено препятствий развитию неравенства». Но подобные учреждения, ведущие к равенству, прибавлял он, «должны быть введены без насилия и не нарушая самого первого из прав — права собственности.

Некоторые из монтаньяров шли гораздо дальше. Так, Бийо-Варенн в брошюре, изданной в 1793 г., открыто высказался против крупной собственности*. Он восставал против идеи Вольтера, что рабочего только голод может заставить работать. По его мнению**, следовало бы постановить, что никто не может владеть больше известного количества десятин земли и что никто не должен наследовать больше 20 тыс. или 25 тыс. ливров. Он понимал, что главная причина всех общественных зол состоит в том, что есть люди, находящиеся «в прямой, но не взаимной зависимости от других, так как это составляет первое звено в цепи рабства». Он не придавал серьезного значения нарезке мелких участков земли, которыми хотели наделить бедных, «так как их существование, — писал он, — останется жалким и

несчастливым, раз они должны зависеть от воли других... Мы слышали крик, — писал он дальше, — «Война замкам, мир хижинам!». Прибавим к этому следующее основное правило: не надо граждан, избавленных от необходимости иметь профессию; не надо граждан, поставленных в невозможность научиться ремеслу»***.

*Говоря о собственности, он представлял ее в такой интересной форме: «Собственность, — писал он, — основа гражданских обществ. Известно, что в большом государстве развитие состояний не может быть ни справедливо, ни постоянно и что под влиянием крупной торговли, поддерживаемой развитой промышленностью и богатым земледелием, равновесие постоянно нарушается. Нужно, однако, чтобы равновесие никогда не было слишком сильно нарушаемо (Billaild-Varenne J. N. Les elements de republicanisme. Paris, 1793, p. 57. Брошюры Британского музея, т. F 1097).

**Ibid., p. 103.

***Ibid., p. 129.

Мысль Бийо-Варенна о наследстве была возобновлена, как известно, 80 лет спустя Международным союзом рабочих на Базельском конгрессе 1869 г. Но нужно сказать, что среди монтаньяров он был одним из крайних.

Другие, как, например, Лепелетье, ограничивались тем, что проповедовалось в наше время, тоже в Интернационале, под именем «интегрального (полного) образования», т. е. обучения каждого юноши ручному ремеслу и наукам; некоторые же, как, например, Арманд, проповедовали «возврат собственности» ограбленному народу (restitution des proprietes) и ограничение права собственности в интересах всего народа.

Истинных проповедников коммуналистического и коммунистического движения 1793 и 1794 гг. нужно, однако, искать не в Конвенте, а в народной среде, в некоторых секциях Парижа, как, например, Гравилье и в Клубе кордельеров, но, конечно, не в Клубе якобинцев. Была даже сделана попытка свободной организации между теми, которых в то время называли «бешеными», т. е. теми, кто стремился к революции в смысле социального равенства. Так, после 10 августа составилась, по-видимому, под влиянием федератов, прибывших в Париж из Марселя и Бреста, род союза между делегатами 48 парижских секций, Совета коммуны и «соединенных защитников 84 департаментов». Когда в феврале 1793 г. начались в Париже движения против биржевых спекуляций, о которых мы говорили в гл. XLIII, делегаты этой организации пришли 3 февраля требовать от Конвента энергичных мер против спекуляторов. В их речи видны уже зачатки мысли, ставшей впоследствии основой «взаимности» Прудона (мютюэлизма) и его Народного банка... Они говорили, что все выгоды, получаемые от обмена в банках, если есть таковые, должны принадлежать всему народу, а не частным людям, так как они составляют продукт общественного доверия всех ко всем.

Мы еще мало знаем все эти смутные, не вполне определившиеся движения, бродившие среди народа в Париже и других больших городах в 1793 и 1794 гг. Историки только теперь начинают их изучать; но несомненно то, что коммунистическое движение, представленное

Жаком Ру, Варле, Доливье, Шалье, Леклерком, Ланжем. Розою Лакомб, Буасселем и некоторыми другими, имело глубину, которой раньше не замечали, но которую уже угадал Мишле*.

*Весьма вероятно, что кроме проповеди коммунизма в секциях и народных обществах были сделаны также с августа 1792 г. попытки основать тайные коммунистические общества, распространенные в 1794 г. Буонарроти и Бабефом и впоследствии, после революции 1830 г., давшие начало тайным обществам бланкистов, называвшихся «коммунистами-материалистами» в противоположность религиозным коммунистам.

Очевидно, что коммунизм 1793 г. не представляется с той цельностью доктрины, которую мы находим у французских последователей Фурье и Сен-Симона, т. е. у Кабе, а в особенности у Консидерана или даже у Видаля. В 1793 г. коммунистические идеи вырабатывались не в кабинетах ученых; они возникали в народе из потребностей самой жизни. Вот почему во время Великой революции социальный вопрос проявился в особенности в форме вопроса о средствах существования и вопроса о земле. Но в этом и состоит превосходство коммунизма Великой революции по сравнению с социализмом 40-х годов и его позднейших последователей. Первый шел прямо к цели, стремясь разрешить вопрос о распределении продуктов.

Нам этот «коммунизм потребления» должен, конечно, казаться отрывочным, тем более что различные его проповедники разрабатывали каждый различные его стороны и не нашлось никого из тогдашних образованных людей, кто свел бы эти требования в стройную, цельную общественную систему. Кроме того, коммунизм того времени оставался, так сказать, частным коммунизмом, так как он допускал личное владение наряду с коммунальной собственностью и, провозглашая право всех на все продукты производства, признавал также личное право на «избыток» рядом с правом всех на продукты первой и второй необходимости. Однако же в нем обозначаются уже все три главных вида коммунизма: земельный коммунизм, промышленный и коммунизм в торговле и кредите. И в этом отношении понимание экономических отношений было шире в 1793 г., чем у коллективистов 40-х годов XIX в. (Видадь, Пеккер) или же у социалистов того же времени и последующих, тем более что, если отдельные революционеры налегали в особенности на тот или другой вид коммунизма, они этим не исключали остальных. Наоборот, все эти виды, исходя из одного общего представления о равенстве, дополняли друг друга. В то же время коммунисты 1793 г. не были строителями отвлеченных систем для будущих времен, а вполне разумно стремились провести свои мысли и выводы тогда же в жизнь при помощи местных сил на месте и на деле, стараясь в то же время установить прямой союз между всеми 40 тыс. коммунами во Франции.

У Сильвена Марешаля замечается даже некоторое стремление к тому, что теперь называется свободным коммунизмом, хотя, конечно, все высказывалось тогда с большой сдержанностью, так как за слишком откровенное выражение своих мыслей приходилось рисковать и платить головой.

Мысль о том, что до коммунизма можно прийти путем заговора и государственного переворота при помощи тайного общества, которое захватит власть, — мысль, апостолом

которой стал Бабеф, утвердилась только позже, в 1795 г. Только тогда, когда .термидорская реакция конца 1794 г. уже положила конец восходящему народному движению Великой революции, когда революция была уже окончательно раздавлена, явились заговорщики, мечтавшие водворить такой громадный общественный переворот, как коммунизм, путем захвата власти и указов. Но это был уже продукт истощения, а не результат поднимающейся волны первых четырех лет Великой революции. К сожалению, эта вера в государственный коммунизм, установленный силой сверху, удержалась и до наших дней.

Конечно, в 1793 и 1794 гг. было много декламации, много громких слов в том, что говорили народные коммунисты. Такова была мода того времени — мода, которой наши современные ораторы тоже платят дань. Но все, что мы знаем об этих проповедниках, представляет их как людей, глубоко преданных идеям и вдумчивых.

Жак Ру прежде был священником. Он был крайне беден и жил со своей собакой почти исключительно на свой доход в 200 ливров в год в мрачном доме в центре Парижа*, проповедуя коммунизм в рабочих кварталах. Его очень слушали в секции Гравилье, и он пользовался большим влиянием в Клубе кордельеров вплоть до конца июня 1793 г., когда это влияние было разрушено вмешательством Робеспьера. Что касается до Шалье, пользовавшегося большим влиянием в Лионе, мы знаем от Мишле, что этот мистический коммунист был замечательным человеком, обожаемым своими учениками, еще более друг народа, чем Марат. Когда он был казнен жирондистами, его друг Леклерк перебрался в Париж и продолжал вести там коммунистическую пропаганду вместе с Жаком Ру, молодым парижским рабочим Варле и Розою Лакомб, вокруг которой сгруппировался Клуб революционных женщин. Про Варле мы почти ничего не знаем, кроме того, что он пользовался популярностью среди парижской бедноты. Его памфлет «Торжественное заявление прав человека в социальном государстве», выпущенный в 1793 г., отличался большой умеренностью. Но не надо забывать, что под угрозой декрета 10 марта 1793 г. более крайние революционеры не смели печатать всего того, что они думали**.

*Jaures J. Histoire socialiste, v. 4. La Convention, Paris, 1904, p. 1069 (рукописные заметки Bernard Lazare'a, помогавшего Жоресу в этой части его труда).

**В этом «Заявлении» Варле требовал только, чтобы право собственности на землю было ограничено; чтобы против ужасного неравенства состояний были приняты «справедливые меры», дающие возможность бедным спастись от притеснения богатыми, и чтобы частные состояния, накопленные за счет общественного богатства при помощи плутовства, ажиотажа, монополий и операций скупщиков, становились бы национальной собственностью, как только общество убедится доказанными фактами, что они накоплены путем злоупотреблений (Varlet J. Declaration solennelle des droits de l'homme dans l'etat social. Paris, 1793. Брошюры Британского музея, том F. 499). В другой брошюре, Voeux formes par des Francais libres (та же коллекция, том F. 65), Варле требовал также строгих законов против скупщиков.

У коммунистов были также свои теоретики. Таков был Буассель, напечатавший свой «Катехизис человеческого рода» в начале революции, а вторым изданием — в 1791 г.*; также неизвестный автор сочинения, изданного в том же году под заглавием «О соб-

ственности, или Защита бедных перед судом разума, справедливости и правды», и Пьер Доливье (тоже пишется Д'Оливье), священник из Мошана. Им написано было замечательное сочинение «Исследование о первобытной справедливости, служащей началом, порождающим тот общественный порядок, который только и может обеспечить человеку все его права и пути к счастью». Эта книга была издана в конце июля 1793 г. гражданами коммуны Овер из округа Этамп**.

*В своем «Катехизисе» Буассель уже излагал идеи, впоследствии ставшие ходячими среди социалистов 40-х годов. См.: Boissel F. Le catechisme du genre humain pour l'etablissement essentiel et indispensable du veritable ordrc moral et de l'education sociale des hommes. Paris, 1789. (Брошюры Британского музея, т. F. 513).

**В своей речи «О средствах спасти Францию и свободу», произнесенной во время выборов в Конвент (Discours sur les moyens de sauver la France et la liberte. Paris, Bibliotheque nationale), Жак Ру уже утверждал, что продлившаяся несколько времени диктатура, наверно, приведет к гибели свободы, и требовал, чтобы «крупные земельные собственники могли продавать свои хлеба только в установленных для этого в каждом округе рынках... Устройте, — говорит он, — в каждом городе и посаде общественные рынки, где цена всякого товара определялась бы с торгов» (р. 42—44). Мишле(Michelet J. Histoire de la Revolution francais, v. 1—9. Paris [1876—1879], v. 6, 1. 15, ch. 6), уже упоминавший эту речь, прибавлял, что учения Ру были очень популярны в секциях Гравилье, Арси и других в центре Парижа.

Среди писателей и проповедников-коммунистов выдвигался также Ланж, истинный предшественник Фурье, как заметил уже Мишле. Наконец, Бабеф был тоже в Париже в 1793 г. Состоя на службе в департаменте народного продовольствия под покровительством Сильвена Марешаля, он втайне вел коммунистическую пропаганду. Его преследовали в это время под предлогом подделки одного документа в бытность судьей в провинции, совершенно неосновательно преследовали, как доказал это Габриель Девильт, разыскавший подлинные акты процесса*. Потому он должен был скрываться и держался очень осторожно.

*Deville C. Thermidor et Directoire. 1794—1799. — In: Jaures J. Histoire socialiste, v. 5, p. 14 et suiv.

Впоследствии историки социализма всегда связывали коммунизм с заговором Бабефа; но Бабеф, судя по его сочинениям и письмам, был только оппортунистом коммунизма тех годов. Его представления по этому вопросу, а также предлагавшиеся им способы действия клонились к измельчанию идеи. В то время как уже многие умы того времени понимали, что движение революции в коммунистическом направлении было бы лучшим средством обеспечить победу демократии, Бабеф, как совершенно верно заметил один из его нынешних хвалителей, старался незаметно подмешать коммунизм в демократизм. В то время как становилось уже ясно, что демократия утратит свои победы, если народ не вмешается в борьбу, Бабеф хотел «демократию сперва», чтобы постепенно в нее вводить коммунизм*. Вообще его представление о коммунизме было так узко и так искусственно, что он мечтал дойти до него путем заговора нескольких человек, которые овладели бы правительством при помощи тайного общества. Он даже шел дальше и воображал, что единичная личность,

лишь бы она обладала сильной волей, могла бы ввести коммунизм в общество и таким образом спасти мир! Пагубное заблуждение, которым увлекались многие социалисты в течение всего XIX в. и которое дало нам цезаризм — веру в Наполеона, в Дизраэли и во всяких спасителей — веру, увы, удержавшуюся и до сих пор у многих видных социалистов-государственников.

*Так, например, народ, вооруженный демократической конституцией, мог бы, по его мнению, своим veto мешать проведению всякого закона до тех пор, покуда средства существования не будут обеспечены всем гражданам путем закона!

Версия #1
[redacted] [redacted] создал 26 апреля 2025 18:55:57
[redacted] [redacted] обновил 26 апреля 2025 18:56:14